Дагестан. прав. в. - 1985. - 15 дек.

ВЫСОКИЙ ДОЛГ ЛИТЕРАТОРОВ

Выступление Расула Гамзатова на VI съезде писателей РСФСР

Говорят, самые лучшие новости в мире — это сообщения о рождении человека. Пока здесь заседает съезд писателей Российской земли, в мире население увеличилось не менее чем на полмиллиона человек. Пройдет еще несколько часов нашей литературной дискуссии, и в мире появятся еще столько жителей, сколько во всем моем Дагестане, а затем и на всем Кавказе. Об этом я говорю не только потому, что рождение человека является праздничным событием, но и потому, что в наш взрывоопасный век сыновья и дочери Земли стали для нас предметом постоянных тревог и глубоких размышлений.

Дети и поэты очень похожи друг на друга. И те, и другие любят и весну, и крылатых птиц, хотя в наше время некоторые предпочитают им крылатые ракеты. Тысячелетиями мы пели о далеких ярких звездах, а сейчас некоторые высокопоставленные господа выдвинули идею «звездной войны».

Людской колыбелью является наша многокрасочная мулатка Земля. Говорят, человек, тем более человечество, с годами умнеет. Опыт потрясенный способен нам стать добрыми, дружными и мудрыми, ибо одна разбитая голова

зывает десять голов к осторожности. Но до сих пор человеческая колыбель на земле уютна. Не слабеет, не стихает спор войны и мира, правды и кривды, злости и доброты.

Не могу сказать, что мы, писатели, являемся главными судьями этого спора. Но мы обязаны быть его правдивыми свидетелями. Борцу за мир не обязательно быть писателем, но писатель должен быть активным борцом за мир, ибо мы призваны своими правдивыми произведениями вести за собой тысячи и тысячи людей. Наш письменный стол является такой трибуной, с которой мы говорим с миллионом. Малейшая трусость, лжесвидетельство о событиях и делах нашего времени вредно, а для настоящего поэта смерти подобно. Ибо цельность является главным мерилом ценности художника.

И тем, кто в борьбе с нами решил добиваться превосходства, кто считает язык угроз лучшей формой мира на земле, я хочу повторить слова Михаила Сергеевича Горбачева, сказанные на памятной всем нам встрече в Женеве американскому президенту: «Господин президент, не думайте, что перед Вами сидят простаки». Да, мы не простаки, мы сыновья и

дочери страны Великого Октября, страны, чей столетичный народ уничтожил зло века — фашистских головорезов. Нам нельзя обмануть, напугать.

В своем письме Леопиду Андрееву Алексей Максимович как-то заметил: «Писатель каждый раз, когда его хотят обнять корыстные или грязные руки, должен крикнуть: «Прочь! Я сам знаю, кто я есть в моей земле».

Товарищи! На многовековом музыкальном инструменте моего небольшого народа были две струны. На первой струне на высоких скалах пели песни о доблести, о подвигах, о славе. На второй струне пели о горячей любви, о тех женщинах, чья красота затмевает весь белый свет. Остальные песни, кроме этих, горцы считали «архитектурным излишеством», ибо птице даны только два крыла, и кинжал имеет два острия. Но большие события в большой стране и в мире дали третью струну нашей песне. Опыт годов и потрясений заставил звенеть эту третью, новую струну горского кумуза, и она стала главной струной нашей музыки.

Пленительные краски и мелодии русской литературы, появившиеся в горских саклях

Пушкина и Толстого, Горького и Маяковского сделали так, что эта третья струна всей нашей литературы стала и становится первой и главной струной. Ибо гражданское начало было и остается определяющим для духа и характера нашей поэзии. Но это не значит, что первые две струны дагестанского кумуза прозвенели и отшумели, что мы их заменим митинговой любовью и телефонными объятиями. Если три струны вместе не будут звенеть, не будет гармонии, будет однообразие. А еще Пушкин сказал, что однообразие в писателе доказывает однообразие ума.

На последнем съезде писателей СССР высоко и, может быть, заслуженно оценили эстетические поэмы и недооценили нашу большую хорошую лирику, а жаль. Я думаю, что тот поэт, который ушел от любви, от лирики еще не поэт, а тот, который только этим и занимается, тот только стихотворец. По этому вопросу у писателей, особенно у писателей национальных республик, бывают серьезные дискуссии, вопросы нашей национальной литературы такие: откуда приходишь, куда идешь, где тропинка, а где дорога, где истоки, а где река?

У нас есть небольшой лакский народ, который дал Дагестану немало героев и певцов. У этого народа из одного далекого Кулинского района в Махачкале в одном доме двое получили новые современные квартиры. Один из них — ученый-исследователь, литератор Абачара Гусейнаев, другой — популярный поэт Мирза Магомедов. Вот эти друзья детства встречаются и размышляют о жизни. Ученый Гусейнаев говорит поэту: «Каким ты счастливым, сыновья горских земляпашцев, теперь признанные люди в Дагестане. У нас квартиры со светом и отоплением, телефоны, телевизоры. Дети ходят в столичную школу и в их ранцах лежат книги Пушкина, Блока, Есенина. Они слушают музыку Чайковского и Шостаковича. Как много мы приобрели...» Поэт Мирза Магомедов ему отвечает: «Да, мы много приобрели. Но в то же время многое потеряли. Мы разучились каменную землю пахать, мы не видим звезд своего детства, мы уже не владем искусством отцов коней седлать, не то что на них скакать».

По-моему, этот спор двух людей не противопоставляет одно другому, а утверждает гармонию всех струн поэзии.

Поэзия — глубоко всеобщее и сугубо индивидуальное дело. Тут надо каждому иметь свою тропинку, но и у всех должна быть общая наша партийная столбовая дорога. Нам надо научиться и коней седлать, и в космос летать, пить из источников и по широким рекам плыть, беречь красоту морей, да так, чтобы глубокое нефтяное бурение не помешало этому, чтобы музейные картины не помешали филиалам заводов. Сочетать национальное и интернациональное, отбросив всякое националистическое и шовинистическое. Национальное не противоречит нашей идейной позиции. Так мне представляется гражданственность советского художника.

Гражданская позиция советского писателя — смысл его жизни, а не смысл существования. А между прочим, сейчас появилось много вульгаризаторов этого основополагающего понятия о чести и чистоте художника. Авторы некоторых произведений спекулируют на популярных темах, где нет никаких жизненных проблем. У иных пошлые тексты песен становятся стихом, вместо того, чтобы хорошие стихи становились песнями.

Они выдают за актуальность торопливые риторичные вирши, а многие национальные писатели свои подстрочки преподают как оригинальное произведение, как будто читатели не могут отличить бумажные розы от настоящих.

Нам надо серьезно подумать о мастерстве советского художника. А мы мало заботимся об этом. В Махачкале в одном ювелирном магазине додумались вместо бриллиантов

продавать стекляшки. А сколько случаев приписок, что, мол, план выполняется, и за это получают премии и поощрения! И в нашей литературе немало ненужных стекляшек, а о приписках я уже не говорю. Я точно не могу сказать, где, сколько, центнеров урожая получают с гектара земли. Но такого большого количества членов Союза писателей на гектар земли, наверное, нигде, как у нас, нет.

Целые тухумы, целые семьи — целая группа соавторов. Она становится такой массовой, как спорт, как хоровое общество. В спорте я люблю полную борьбу. В литературной борьбе у нас не учитывают весовые категории. Это уже не борьба, товарищи, а драка. А что касается нашего хора, то большинство хористов думает, что они — солисты.

Есть энергичные фальшивомонетчики в литературе, книги их в магазинах спят, в библиотеках лежат, лежат, как диссертации некоторых должностных лиц, написанные на всякий пожарный случай. Книги этих неизвестных знаменитостей лежат, но их все равно переиздают. Мол, лежащего не бьют. И действительно, критика о них молчит.

Скоро новый год. Новый год — как новоселье. Из старого дома, из прошедших годов мы возьмем с собой в него самое ценное и дорогое. И оставим прошлому всякий хлам, а того и другого у нас хватает: оставим это в прошлом году.

И мы говорим тем, которые в новое тысячелетие вступают: здравствуй, будущее поколение!